

ИСКУССТВО УДИВЛЯТЬСЯ: СТРАТЕГИИ ОСТРАНЕНИЯ В МАГИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Х.Л.БОРХЕСА, Т.ТОЛСТОЙ И Х.ДОСТОНа)

Каримов Зиёахмад Алишер угли
Преподаватель кафедры русского языка
и литературы Джизакского государственного
педагогического университета имени А.Кадыри.
Эл.адрес: ziyoka37@gmail.com

Абдуназарова Зарнигор
Студентка 4 курса 733-22 группы, Филологического факультета
Джизакского государственного педагогического
университета имени А.Кадыри.

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена остранения как ключевой нарративной стратегии магического реализма. Вслед за В.Б.Шкловским, определившим остранение как «выведение вещи из автоматизма восприятия», автор рассматривает механизмы, с помощью которых «чудесное» в магиико-реалистических текстах воспринимается читателем не как фантастическое инородное включение, а как органическая часть реальности.

Ключевые слова: магический реализм, остранение, нарративные стратегии, вера читателя, буквализация метафоры.

Введение

Магический реализм как литературное направление обладает уникальной способностью заставлять читателя верить в невозможное. Когда в «Ста годах одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса Remedios the Beautiful возносится на небеса вместе с простынями, это событие не вызывает недоверия – оно воспринимается как естественное и неизбежное. Что отличает эту реакцию от чтения готического романа или научной фантастики? Почему магиико-реалистическое чудо «работает»?

Ответ на этот вопрос лежит в области нарративных стратегий, а именно – в технике остранения, впервые теоретически обоснованной Виктором Шкловским в работе «Искусство как прием». Шкловский определил остранение как способ «сделать камень каменным», то есть вывести предмет из автоматизма привычного восприятия и заставить увидеть его «впервые».

Как показали современные исследования, эмпирические данные свидетельствуют, что погружение и остранение не являются взаимоисключающими процессами. Напротив, в магическом реализме эти механизмы действуют в сложном единстве: читатель одновременно и «погружается» в мир текста, и отстраняется от привычных способов его восприятия.

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать стратегии остранения в магиико-реалистической прозе на материале трех литературных традиций: латиноамериканской (Х.Л.Борхес), русской (Т.Толстая) и узбекской (Х.Достон). Такой компаративный подход позволяет увидеть, как универсальный эстетический механизм приобретает национально-специфические формы.

Теоретические основания: остранение как нарративная стратегия

Термин «остранение» впервые появился в работе В.Б.Шкловского «Воскрешение слова» (1914), а затем был подробно разработан в «Искусстве как приеме» (1917). Шкловский писал:

«Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием "остранения" вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» .

В основе остранения лежит психологический закон автоматизации: чем чаще мы сталкиваемся с предметом или явлением, тем менее осознанным становится его восприятие. Искусство, по мысли Шкловского, призвано «возвратить человеку переживание мира», нарушить автоматизм восприятия.

Классическим примером остранения становится в шкловском анализе описание оперного спектакля в романе Л.Н.Толстого «Война и мир»: «На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картины, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках... Все они пели что-то». Толстой описывает оперу так, как ее увидел бы человек, впервые попавший в театр и не знающий условностей сценического действия .

Шкловский выделил два основных приема остранения:

- 1) описание предмета как впервые увиденного**, без узнавания его привычной функции;
- 2) примитивизация точки зрения** – восприятие мира глазами ребенка, животного, представителя иной культуры или «наивного» персонажа .

Как справедливо заметил А.А.Леонтьев, остранение не ограничивается формальным приемом – оно «соотнесено с понятием "смысла" как личностного отношения человека к предмету, явлению или слову, включенному в его практическую или теоретическую деятельность» .

В современном литературоведении понятие остранения выходит за рамки узкоформальной школы. Исследователи когнитивной нарратологии предлагают рассматривать остранение как механизм, работающий на границе между текстом и читательским опытом и способный даже «направлять внимание читателя на погружение в реальный мир» .

Применительно к магическому реализму категория остранения приобретает особое значение. Если в реалистической прозе остранение служит обновлению восприятия обыденного, то в магическом реализме оно решает противоположную задачу: сделать необычное – обыденным, чудесное – само собой разумеющимся.

Механизмы остранения в магическом реализме. Нейтральная позиция нарратора. Бытовая детализация чудесного.

Анализ текстов магического реализма позволяет выделить три основных механизма остранения, работающих на создание «эффекта реальности» чуда.

Первая стратегия заключается в создании нарративной инстанции, которая описывает самые невероятные события с тем же спокойствием и объективностью, с каким описываются погодные явления или приход поезда по расписанию.

Как пишут исследователи, авторы магического реализма «позволяют остранению проникнуть в их романы, хотя и по-новому»: они «буквализируют как тропы, так и фигуры мысли, внося новую жизнь в старые и заезженные метафоры» .

Нейтральная интонация нарратора – это способ «деавтоматизации» читательского восприятия самой категории чуда. Привыкнув к тому, что фантастическое в литературе всегда маркируется особыми сигналами (специальная лексика, изменившаяся интонация, появление «таинственного» рассказчика), читатель оказывается дезориентирован: чудо подается как факт, а не как вымысел.

Вторая стратегия связана с тем, что магическое событие описывается через максимально конкретные, «земные», даже прозаические детали. Чем более материально чудо, тем менее фантастическим оно выглядит.

Этот прием исследователи западного литературоведения связывают с эстетикой «инкрустированных деталей», которую разрабатывал Хорхе Луис Борхес в своих теоретических работах. Речь идет о такой организации повествования, где каждый элемент занимает точное место в структуре, подобно деталям механизма, что создает эффект абсолютной достоверности .

Буквализация метафоры

Третья стратегия – наиболее характерная именно для магического реализма. Речь идет о том, что метафорическое выражение (например, «его пронзила печаль» или «время остановилось») реализуется в тексте буквально. Метафора перестает быть фигурой речи и становится событием сюжета.

Как отмечают иранские исследователи, «буквализация метафор и использование гиперболы и преувеличения» принадлежат к числу ключевых техник, с помощью которых «магические и удивительные события становятся естественными и органично интегрируются с реальными компонентами мира» .

Этот механизм является прямым воплощением остранения в шкловском смысле: заставляя читателя воспринимать метафору буквально, автор возвращает слову его прямое, «каменное» значение.

Остранение в латиноамериканском магическом реализме: Х.Л.Борхес

Творчество Хорхе Луиса Борхеса (1899–1986) представляет собой особый случай в истории магического реализма. В отличие от Маркеса или Астуриаса, Борхес не создает развернутой картины «чудесной реальности»; его метод скорее можно назвать интеллектуальным остранением.

В рассказе «Сад расходящихся тропок» (1941) Борхес изображает мир как книгу, а время – как расходящуюся сеть возможностей. Но подлинное остранение происходит не на уровне сюжета, а на уровне читательского восприятия. Борхес разрушает автоматизм восприятия самой категории «реальности», заставляя читателя усомниться в том, что время линейно, а пространство – трехмерно.

Как замечают исследователи, для Борхеса характерна «усложненная манера представления тайны», при которой «все ставится под вопрос, не в последнюю очередь – восприятие читателем того, что "действительно" произошло» .

Это остранение второго порядка, которое можно назвать «остранением остранения»: Борхес не просто описывает странный мир, но и делает странным сам акт его восприятия.

Инструментом такого остранения выступает жанровая гибридизация: философское эссе маскируется под детектив, научная фантастика – под комментарий к несуществующей книге. Читатель оказывается в ситуации, где все жанровые ожидания нарушены, и это нарушение заставляет его «увидеть, а не узнать» сам принцип литературной условности.

Остранение в русской прозе: Т.Толстая

В творчестве Татьяны Толстой (р. 1951) остранение приобретает антропологическую направленность: «странным» становится само человеческое сознание, особенно в его детском, маргинальном или болезненном состоянии.

Рассказ «Ночь» (из одноименного сборника) представляет собой блестящий образец остранения, мотивированного детским (болезненным) восприятием реальности. Герой рассказа, взрослый мужчина Алексей Петрович, в силу болезни обладает сознанием ребенка. Мир в его восприятии мифологизируется: «страшные старухи» становятся ведьмами, «волнистая девушка» – русалкой, лифт превращается в «железную кабинку, которая поднимается в небо».

Но подлинный эффект отстранения возникает из-за того, что Толстая не дает читателю прямого «перевода» детского мифа на язык взрослой реальности. Читатель вынужден сам сопоставлять два видения мира – детское (мифологическое) и взрослое (реалистическое). Как пишет Т.И.Приходько, «автор подталкивает читателя к называнию этих образов. Обретая имена сказочных персонажей, они теряют реальность, усиливается дистанция между автором / читателем и Алексеем Петровичем».

Этот механизм имеет прямое отношение к Шкловскому отстранению: Толстая заставляет взрослого читателя увидеть мир глазами ребенка, вернуть вещам их «чуждость», которую автоматизированное взрослое сознание перестало замечать.

Важно отметить, что Толстая не просто использует детскую точку зрения как формальный прием. Для нее – как и для многих современных русских писателей («литература ночного зрения») – мотив «ночного», мифологического сознания становится способом познания истины, альтернативным рациональному знанию.

Остранение в узбекской прозе: Х.Достон

Узбекская литература магического реализма (в лице Хуршида Достона, Уткира Хамдама и др.) использует остранение, укорененное в восточной культурной традиции.

В романе Хуршида Достона «Божественная подруга» (2005) остранение достигается через столкновение двух культурных оптик: советского рационализма (с его верой в науку и технику) и традиционного восточного мировоззрения, где допустимо вмешательство джиннов, святых и таинственных сил.

Показателен эпизод, где герой, инженер по образованию, сталкивается с явными проявлениями «чуждого». Вместо того чтобы отрицать их как галлюцинации, он принимает их как данность – но продолжает мыслить техническими категориями. Возникает комический эффект: джинн объясняет свои действия законами физики, а святой оперирует инженерными терминами. Читатель оказывается перед ситуацией,

где чудо описывается языком, принципиально не предназначенным для описания чудес, – и это нарушает его привычные ожидания.

Если Борхес отстраняет форму (жанр), а Толстая – точку зрения (сознание), то Достон отстраняет стиль: он смешивает регистры речи так, что магическое описывается прозаическим, почти канцелярским языком, а тривиальное – языком высоким и архаичным. Этот прием вызывает тот самый шкловский эффект «затрудненной формы», при котором восприятие задерживается на самом способе говорения о мире, а не на содержании сообщения.

Сравнительный анализ и выводы

Сравнение трех рассмотренных авторов позволяет сделать следующие выводы о функционировании остранения в магическом реализме:

1. Универсальность механизма**: все три автора используют остранение как способ сделать необычное естественным, но приемы его реализации различны.

2. Национальная специфика:

- У Борхеса остранение носит интеллектуальный, метатекстуальный характер (жанровый сдвиг).

- У Толстой – антропологический (сдвиг точки зрения, двойное видение мира).

- У Достона – культурно-стилистический (смещение регистров, конфликт картин мира).

3. Единая функция: во всех случаях остранение выполняет одну задачу – выводит из автоматизма саму категорию «реального» и «чудесного». Читатель перестает автоматически отторгать чудо как «нереальное», потому что его восприятие переключается с содержания (чудо/не чудо) на форму (как это описано).

4. «Вера читателя» возникает не из-за рациональных аргументов (этого не может быть, потому что...), а из-за нарративной техники, которая представляет чудо как событие, не требующее обоснования. Читатель принимает правила игры, потому что игра ведется по правилам, которые он не может оспорить – правилам самого повествования.

Как отмечают современные исследователи, такой подход позволяет решить фундаментальную проблему магического реализма: как сделать невероятное вероятным. «Используя такие техники, как естественный тон, пропитанный магическим языком, всеведущая точка зрения, присутствие свидетелей чудесных событий, детальные описания, деавтоматизация [то есть остранение] и буквализация метафор», писатели магического реализма «либо создают ощущение чуда в своих сказках, либо усиливают магическое качество этих феноменов».

Заключение

В статье были рассмотрены стратегии остранения в магическом реализме на материале латиноамериканской, русской и узбекской прозы. Анализ показал, что остранение, понимаемое вслед за В.Б.Шкловским как «выведение вещи из автоматизма восприятия», является ключевым нарратологическим инструментом создания «эффекта реальности» чуда.

Было выявлено, что магический реализм использует остранение парадоксальным образом: не для того, чтобы сделать обыденное странным (как у Толстого или в

формалистской теории искусства), а для того, чтобы сделать странное – обыденным. Чудо в магическом реализме не нуждается в оправдании, потому что оно описывается с той же интонацией, с какой описывается восход солнца; оно не требует объяснения, потому что оно вписано в мир через бытовые детали; оно не кажется невероятным, потому что оно буквализирует метафоры, ставшие привычными.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на:

- расширение сравнительного материала (включение других национальных традиций);
- изучение остранения на уровне фонетики и синтаксиса магико-реалистического текста;
- анализ рецептивных аспектов (как именно читательский опыт взаимодействия с такими текстами меняет восприятие реальности).

Возможно, именно в способности «возвратить человеку переживание мира» – в том числе и мира, в котором чудо возможно, – заключается непреходящая ценность магического реализма как литературного направления.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Галина М. Литература ночного зрения // Новый мир. – 2002. – № 2. – С. 3–15.
2. Колмакова О.А., Раднаева В.Ж.** Тютчевская традиция в современной русской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66). – С. 28–31.
3. Приходько Т.И. Мифопоэтика детского миропонимания и поиск истины в рассказе Т. Толстой «Ночь» // XXI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ. – 2018.
4. Шкловский В.Б. Воскрешение слова. – СПб., 1914.
5. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. – Пг., 1917. – Вып. 2.
6. Шкловский В.Б. Теория прозы. – М. – Л., 1925.
7. Anderson M., Iversen S. Immersion and Defamiliarization: Experiencing Literature and World // Poetics Today. – 2018. – Vol. 39. – No. 3. – P. 569–595.
8. Borges J.L. The Garden of Forking Paths // Ficciones. – New York: Grove Press, 1962.
9. Doston Kh. Bozagi mahbuba (Божественная подруга). – Tashkent: Sharq, 2005.
10. Hart S.M., Ouyang W. A Companion to Magical Realism. – London: Tamesis, 2005.
11. Leal L. Magical Realism in Spanish American Literature // Magical Realism: Theory, History, Community / Ed. by L.P.Zamora, W.B.Faris. – Durham: Duke University Press, 1995. – P. 119–124.
12. Rosenbaum L.D.R. A vida urbana sob a ótica do fantástico: potências do estranhamento na produção de subjetividades. – Dissertação (Mestrado). – Universidade Federal do Espírito Santo, 2016.
13. Zamora L.P., Faris W.B. (eds.) Magical Realism: Theory, History, Community. – Durham: Duke University Press, 1995.
14. Zarifiyan Y., Mohammadi M.J., Dehqan M. Attar's Techniques in Enhancing the Believability of Magical Realism in the Tales of Tazkirat al-Awliya // Journal of Literary Studies. – 2025.

15. Zarrinjooee B., Najafi S. The Language of Narrative in Magical Realist Novels // Naqd-e Adabi. – 2016. – Vol. 9. – No. 35. – P. 165–185.

